

DOI: 10.25178/nit.2024.2.3

Статья

Тувинские паремии с компонентом-религионимом (на фоне других языков)

Елена И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Алексей С. Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича,

Российская Федерация,

Алан С. Цховребов

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются тувинские паремии с компонентами-религионимами на фоне бурятского, осетинского, русского и шведского языков. Подобные пословицы и поговорки присутствуют в различных языках. Как количество паремийных единиц с подобными компонентами, так и состав самих компонентов-религионимов различается в каждом языке в зависимости от культурно-религиозных особенностей народа-носителя соответствующего языка, а также от наличия и объема паремиографических источников.

Тенгрианско-шаманистско-буддийский религиозный синкретизм тувинцев обусловил состав религионимов, используемых в составе паремий: наряду с лексемами “бурган”, “Богда” и “лама” в тувинских паремиях функционируют “хам” и “аза”. Однако в исследуемом паремиологическом фонде количественно преобладают единицы, восходящие к буддизму. С точки зрения структурных моделей в исследуемых тувинских паремиях доминирует синтаксический параллелизм.

Сходства в паремиях тувинского и других анализируемых языков наблюдаются в использовании в их составе таких религионимов, как наименования священнослужителей и мифологем. И лама, и шаман оцениваются в выражениях тувинской народной мудрости негативно. Та же ситуация наблюдается и при оценке священника в осетинских и шведских паремиях, попа — в русских.

Отличия проявляются в общем количестве паремий с компонентом-религионимом в каждом языке, количестве и составе самих используемых компонентов-религионимов, в преобладании определенных типов синтаксических моделей паремий, выражаемых частных установках культуры и сопоставлениях (бог — черт в тувинских и русских паремиях, шаман — силач — в бурятских, священник (поп) — черт — в русских и шведских, священник — мулла — в осетинских и др.). В тувинских паремиях в большей степени отразились буддистские верования, тогда как в бурятских наблюдается превалирование лексики, связанной с шаманизмом.

Ключевые слова: паремия; религионим; тувинский язык; бурятский язык; осетинский язык; русский язык; шведский язык

Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С., Цховребов А. С. Тувинские паремии с компонентом-религионимом (на фоне других языков) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 40-60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3>

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Эл. адрес: alexis001@mail.ru

Цховребов Алан Солтанович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Эл. адрес: alanec1985@mail.ru

Tuvan paroemias with a component-religion (against the background of other languages)

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Russian Federation,

Alexey S. Alyoshin

Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russian Federation,

Alan S. Tskhovrebov

Saint Petersburg State University, Russian Federation

The article examines Tuvan paroemias with religious names against the background of other languages, such as Buryat, Ossetian, Russian, Swedish. Similar paroemias are found in various languages, but the number and composition of proverbial units with religious names differ depending on the cultural and religious background of the speakers, as well as the availability of paremiography sources. The religious syncretism of Tengrian-Shamanism and Buddhism in Tuva has influenced the composition of religious names in proverbs. In addition to the lexemes “Burgan”, “Bogda” and “Lama”, “Ham” and “Aza” also function in Tuvan proverbs. However, Buddhism dominates the paremiological corpus under study in terms of quantity. From a structural point of view, syntactic parallelism prevails in the studied Tuvan proverbs.

Similarities between the paroemias in Tuvan and other languages analyzed are observed in the use of religious names, such as the names of priests and mythological figures, in their composition. Both lamas and shamans are evaluated negatively in Tuvan folklore. The same situation can be observed when evaluating priests in Ossetian and Swedish parables, and in Russian. Differences are manifested in the total number of paroemias with a religious component in each language, as well as in the number and composition of religious names themselves. They also differ in the predominance of certain syntactic patterns of paroemia, expressed in cultural attitudes and comparisons. For example, in Tuvan and Russian, the god – devil dichotomy is common, while in Buryat parables, the shaman-strongman distinction is more prevalent. In Ossetian parables, there is a prevalence of the priest-devil relationship, and in Swedish, the priest-mullah contrast. Buddhist beliefs are better reflected in Tuvan parables, while shamanistic beliefs predominate in Buryat.

Keywords: *paroemia; religious name; Tuvan language; Buryat language; Ossetian language; Russian language; Swedish language*

For citation:

Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. and Tskhovrebov A. S. Tuvan paroemias with a component-religion (against the background of other languages). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 40-60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3>

ZINOVIEVA, Elena Innokentievna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

ALYOSHIN, Alexey Sergeevich, Candidate of Philology, Associative Professor; Head, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22 Bolshevnikov Av., 193232 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: alexis001@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844

TSKHOVREBOV, Alan Soltanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: alanec1985@mail.ru

Введение

В настоящее время в научной литературе используются разные термины, определяющие лексику, относящуюся к сфере религии, различных конфессий, церкви. Термин «религионим» представляется нам наиболее универсальным, поэтому вслед за Ю. Н. Михайловой мы будем использовать его в значении «слово или составное наименование (устойчивое сочетание) религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия»¹.

Анализу религионимов как тематическому разряду лексики посвящались на материале русского языка работы И. В. Бугаевой², Г. Н. Складневской (Складневская, 2012), Р. И. Горюшиной³ и др. Применительно к европейским языкам изучение религиозной лексики отражено большей частью в публикациях лексикографического характера⁴. Что же касается фразеологических и паремических единиц, то исследований религионимов в их составе намного меньше. Можно назвать единичные работы последних лет, например, диссертационное исследование А. В. Деньгиной «Фразеологические единицы с компонентом-религионимом в английском и французском языках»⁵; концептуальной дихотомии «"Бог" — "дьявол"» во фразеологии и паремиологии русинского языка на фоне других славянских языков посвящена статья О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко (Ломакина, Мокиенко, 2019); исследование фразеологических единиц с компонентом, обозначающим злой дух, в английском, турецком и русском языках представлено в диссертации А. Г. Нуруллиной⁶.

Между тем паремии с компонентом-религионимом отличаются большим лингвокультурологическим потенциалом в каждом языке, несут информацию о специфических реалиях культуры, связанных с конфессиональными особенностями, об отношении народа-носителя языка к мифологемам, священнослужителям и т. п.

Пословицы тувинского языка уже неоднократно являлись объектом рассмотрения в лингвокультурологическом аспекте. Так, они привлекали внимание исследователей в связи с отражением гендерных стереотипов (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020); бинарных структур (Селиверстова 2022), символикой числового кода (Бредис и др., 2022); универсальностью и этноспецифичностью структурных моделей (Петрушевская, 2023), в аспекте лингвокультурологии (Бредис, Иванов, 2022b; Иванов, 2023) и др. Однако в аспекте отражения отдельных фрагментов языковой картины мира тувинские паремии исследованы в меньшей степени (см, например: Зиновьева, Алёшин, 2023; и др.). Паремии тувинского языка с компонентом-религионимом на иноязычном фоне до настоящего времени не являлись объектом исследования.

Целью статьи является системно-структурное и лингвокультурологическое исследование тувинских паремий с компонентом-религионимом на фоне бурятского, осетинского, русского и шведского языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: отобрать паремии с интересующим нас компонентом из рассматриваемых лексикографических источников каждого из языков; выявить структурно-синтаксические модели исследуемых паремий в каждом из рассматриваемых языков; выделить установки культуры, выраженные в анализируемых единицах; проанализировать аксиологическую оценку, выражаемую паремиями.

Методика исследования в связи с поставленными задачами включает несколько последовательных этапов:

¹ Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: По данным толковых словарей русского языка: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2004. С. 4.

² Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

³ Горюшина Р. И. Лексика христианства в русском языке: Системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов: дисс. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2002.

⁴ Азаров А. А. Русско-английский словарь религиозной лексики. М.: РУССО, 2002; Портянников В. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Нижний Новгород: Издание Братства во имя св. князя Александра Невского, 2001.

⁵ Деньгина А. В. Фразеологические единицы с компонентом-религионимом в английском и французском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.

⁶ Нуруллина А. Г. Фразеологические единицы с компонентом, обозначающим злой дух, в английском, турецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2017.

- 1) отбор паремий с компонентом-религионимом из лексикографических источников в пяти языках;
- 2) выявление структурных моделей анализируемых пословиц;
- 3) определение выражаемых в пословицах культурных установок, ценностных предпочтений и оценок относительно каждого религионима;
- 4) анализ образной составляющей пословичных единиц.

В статье используются методы описательного, структурного, лингвокультурологического, аксиологического и компаративного анализа, приемы количественных подсчетов и стилистической характеристики.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹, «Большой словарь русских пословиц»², словари шведских паремий П. Хольма³ и Ф. Стрёма⁴, сборник бурятских пословиц и поговорок Б. Ц. Бальбуровой⁵, сборники осетинских паремий⁶.

Паремии тувинского языка с компонентом-религионимом

Ч. К. Ламажаа Туву рассматривает как лимитрофную зону — территорию, которая находится между цивилизациями, испытывает их влияние, но не входит полностью ни в одно цивилизационное поле. С одной стороны, Тува много веков развивалась как часть территории Внутренней Азии кочевников, шаманистов, буддистов. С другой стороны, она уже два века также является и частью российской цивилизации (Ламажаа, 2021: 178). Что касается тувинского языка и религии тувинцев, то ученая справедливо отмечает «водораздел» между тувинцами-тюрьками и другими тюрьками. Этот «водораздел» — буддизм, мировая религия, которая укрепилась в Туве во второй половине XVIII в. Тувинцы-буддисты не вписываются в тюркский «идеал», в котором тюрки должны быть приверженцами ислама (там же: 184).

Отличительной особенностью Тувы в исторической ретроспективе стало распространение буддизма без подавления шаманизма (Гарри, 2020: 13).

Как отмечают исследователи, большинство современных тувинцев являются буддистами скорее по традиции, полагая достаточным соблюдать религиозные обряды (Дашковский и др., 2021: 26), не вникая особенно в суть учения (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020: 145–146). Более того, по мнению Ч. К. Ламажаа, в республике в настоящее время «происходит очевидный процесс укрепления добуддийских воззрений, который в том числе выражается в широкой распространенности семейных, родовых, территориальных обрядов освящения местностей, объектов природы — *дагылга*. Эти обряды призваны укрепить связь современных тувинцев, по их убеждениям, с духами родовых мест, духами их предков, в коммуникации с которыми им помогают обычно шаманы, но нередко обряды проводят и ламы, и старейшины *аймаков* (родственных объединений)» (Ламажаа, 2021: 186).

Можно говорить о существовании у тувинцев в области религии тэнгрианско-шаманистско-буддийского синкретизма, схему формирования которого представила в своей работе О. М. Хомушку (Хомушку, 2010).

Таким образом, в качестве тувинских религионимов мы рассматриваем термины тувинского языка, связанные и с шаманизмом, и с буддизмом. Рассмотрим отражение религиозных представлений тувинцев в паремиях с компонентом-религионимом.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021: 145), в ряде случаев переводы уточнены.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2010.

³ Holm P. 3530 ordspråk och talesätt: "ett ord i rättan tid". Stockholm : Bonnier fakta, 1984.

⁴ Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm : Tidens Förlag, 1929.

⁵ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Ц. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020.

⁶ Ирон диссагтæ æмæ æмбисæндтæ. / Сарæзтой йæ Айларты И., Гæджынагы Р., Кцойты Р. Дзæуджыхъæу: Ир, 2006; Ирон адæмы сфæлдыстад / Сарæзта йæ Калоты Х. Орджоникидзе, 1975; Быдтаты А., Бтемыраты Б. Ирон хъæлдзæг ныхæстæ æмæ фыдæлты æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1998.

Приемом сплошной выборки материала из сборника Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹ было отобрано 16 пословичных единиц с компонентом-религионимом. Согласно принятой в данном исследовании методике, рассмотрим сначала структурные модели данных пословиц.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие паремийные модели:

1. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением (10 единиц):

Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес 'Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы' (ППТН: 14);

Бодуңну богдага бодава, Эжиңни эникке деңневе 'Не мни себя святым Богда, не считай товарища щенком' (ППТН: 21);

Булуттан кортпа, Бурганга тейлеве 'Грозы не бойся, богу не молись' (ППТН: 22);

Дөңгүр лама төлге каржы, Төрээн өшкү ытка каржы (ППТН: 26) 'Лысый лама не любит детей, окотившаяся коза не терпит собак'²;

Маадырны чон тывар, Маанайны лама номчуур 'Героя находит народ, молебен читает лама' (ППТН: 39);

Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ 'Много хуураков расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству' (ППТН: 60);

Чаараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар 'От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет' (ППТН: 62);

Чут болурга, ыт семирир, Аарыг болурга, лама байыыр 'От джута (падежа скота, вызванного бескормницей) собака жиреет, от болезней лама богатеет' (ППТН: 69);

Аксында — бурган, Артында — хырын 'Во рту — бог, в уме — выгода' (ППТН: 84);

Курт-чажар балыг эндевес, Хуурмак лама аарыг эндевес (ППТН: 110) 'Чёрная муха рану находит, лживый лама болезнь находит'³.

2. Простые предложения (4 единицы), включающие в свой состав прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степени:

Азаның бичези кончуг 'Маленький чёрт самый шустрый' (ППТН: 14);

Кашпык-үүрге чүктээн бадарчыдан Хатка чуулган каңмыыл дээрэ 'От перекасти-поля больше толку, чем от бродячего ламы' (ППТН: 31);

Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ 'Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог' (ППТН: 51);

Азарганчыг аза сартымы 'Мал как чёртов гостинец' (ППТН: 83). Последняя паремия по сути представляет собой устойчивое сравнение.

3. Единичными примерами представлены следующие структурно-семантические модели:

— Сложное предложение с придаточным изъяснительным с соотносительным словом: *Эртемге чоок кижы Бургандан ырак* 'Кто близок к науке, тот далёк от бога' (ППТН: 77);

— Простое двусоставное предложение с отрицанием: *Бурган чокта, орук ажык* 'Без бога открыта дорога' (ППТН: 22).

Таким образом, структурно-синтаксически в рассматриваемом корпусе тувинских паремий преобладают единицы компаративной структуры и семантики.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых тувинскими паремиями **культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.**

Под установками культуры, вслед за В. Н. Телия, понимаются ментальные прескрипции (предписания), оценивающие социальные и духовные практики человека (Телия, 2004).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт "Радуга Тувы"», 2020. Здесь и далее указаны страницы из сборника в формате (ППТН: страница).

² Перевод на русский язык А. М. Соян.

³ Перевод на русский язык А. М. Соян.

Компонентами-названиями божества в рассматриваемом собрании паремий тувинского языка являются *Бурган* и *Богда*.

Слово *бурган* в этимологическом словаре Б. И. Татаринцева толкуется следующим образом: «Бурган — ‘бог, божество; бурхан, идол, икона’¹, в тувинско-русском словаре «бурган — ‘бог, божество’². *Богда* в тувинско-русском словаре переводится как «Будда, бог, святой»³.

Тувинские пословицы с этим компонентом выражают разные культурные установки. Они призывают не считать себя выше других: *Бодуңну богдага бодава, Эжиңни эникке деңневе* ‘Не мни себя святым Богда, не считай товарища щенком’ (ППТН: 21); говорят о том, что вера не предполагает анализа или доказательств, человек должен просто верить: *Эртемге чоок кижги Бургандан ырак* ‘Кто близок к науке, тот далёк от бога’ (ППТН: 77). О лицемерном человеке говорится: *Аксында — бурган, Артында — хырын* ‘Во рту — бог, в уме — выгода’ (ППТН: 84).

Пословицы с данным компонентом амбивалентны. Так, выражается идея, что Бог, которого не знаешь, может оказаться хуже чёрта: *Танывазы бургандан Танывазы аза дээре* ‘Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог’ (ППТН: 51). О человеке, которому трудно дать однозначную характеристику, тувинская пословица говорит: *Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес* ‘Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы’ (ППТН: 14). Ср. в русском языке: *Ни Богу свечка, ни черту кочерга*. Об этимологии и характеристике перевода данной пословицы на русский язык см. в статье М. А. Бредиса и Е. Е. Иванова (Бредис, Иванов, 2022b: 28).

Можно предположить, что в советское время, когда активно пропагандировался атеизм, возникли паремии *Бурган чокта, орук ажык* ‘Без бога открыта дорога’ (ППТН: 22) и *Булуттан кортпа, Бурганга тейлеве* ‘Грозы не бойся, богу не молись’ (ППТН: 22).

Неприглядными предстают в тувинских паремиях священнослужители *лама* и ученики *ламы хуураки*. А. М. Хомушку объясняет данный факт следующим образом:

«В традиционном тувинском обществе особая роль отводилась шаманам и ламам как носителям сверхъестественных и сокровенных знаний. Однако, близость к правителям стала причиной того, что не всегда фигуру шамана и ламы оценивали однозначно. В литературе советского времени было распространено негативное мнение об их социальной роли» (Хомушку, 2011: 397).

Характеристики *ламы* в паремиях отрицательны:

лама не любит детей — *Дөңгүр лама төлге каржы, Төрээн өшкү ытка каржы* ‘Лысый лама не любит детей, окотившаяся коза не терпит собак’ (ППТН: 26);

героями являются простые люди, а лама только читает молебен — *Маадырны чон тывар, Маанайны лама номчуур* ‘Героя находит народ, молебен читает лама’ (ППТН: 39);

лама становится богаче, если болеет большее количество людей, наживается на человеческих болезнях — *Чут болурга, ыт семириир, Аарыг болурга, лама байыыр* ‘От джута (массового падежа скота вследствие бескормицы) собака жиреет, от болезней лама богатеет’ (ППТН: 69);

лама лжив, находит болезнь там, где ее не существует — *Курт-чажар балыг эндевес, Хуурмак лама аарыг эндевес* ‘Чёрная муха рану находит, лживый лама болезнь находит’ (ППТН: 110);

от *ламы* нет никакой пользы — *Кашпык-үүрге чүктээн бадарчыдан Хатка чуулган каңмыл дээре* ‘От перекасти-поля больше толку, чем от бродячего *ламы*’ (ППТН: 31).

Таким образом, паремийный портрет *ламы* таков: лысый (бритоголовый) человек, переходящий с места на место, читающий молебен, никчемный, наживающийся на чужих бедах и болезнях, лживый, не способный на подвиги.

Если количество учеников *ламы* — *хуураков* увеличивается, это ведет к поборам, следовательно, к бедности: *Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ* ‘Много *хуураков* расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству’ (ППТН: 60).

Хам (шаман) как компонент пословицы только один раз встретился в исследуемых тувинских паремиях. Шаманом, по мнению народной мудрости, становятся вынужденно: *Чараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар* ‘От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет’ (ППТН: 62).

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 4-х т. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 295.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 122.

³ Там же. С. 106.

Из демонимов в рассматриваемых тувинских паремиях фигурирует *аза*:

Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес ‘Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы’ (ППТН: 14);

Азаның бичези кончуг ‘Маленький чёрт самый шустрый’ (ППТН: 14); *Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ* ‘Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог’ (ППТН, с. 51);

Азарганчыг аза сартыы ‘Мал как чёртов гостинец’ (ППТН: 83).

А.-Х. О. Базырчап и А. А. Конгу отмечают, что невидимая сила, которая негативно влияет на людей и на животных, носит у тувинцев собирательное название *аза*. В «пантеоне» духов *аза* относился к особому народу, созданному Эрлик-ханом во времена сотворения земли. Поэтому *аза* обитает и в подземном, Нижнем, мире, и в Среднем мире (Базырчап, Конгу, 2020: 136–137).

Паремии отмечают типичный инструмент *аза* — *кыскаш* ‘щипцы’. Указываются такие характеристики *аза*, как подвижность, «шустрость», скупость — чертов гостинец настолько мал, что становится эталоном сравнения. Незнакомый черт и неизвестный бог противопоставляются в паремии в пользу незнакомого черта.

III. Образная составляющая рассматриваемых тувинских паремий проявляется как на уровне структурно-синтаксическом, так и на лексическом.

На структурно-синтаксическом уровне выделяется компаративность тувинских паремий. Это и образный параллелизм, и наличие морфологически выраженных сравнений с помощью степеней сравнения прилагательных и наречий. Паремия уподобляет образ заносчивого человека, мнящего себя святым *Богда*, человеку, считающему своего товарища щенком. Если атрибут бургана — лампада, то черта — щипцы. Лама предстает лысым, и он не любит детей, как окотившаяся коза не любит собак. Хуураки уподобляются жеребятam, жиреющая от джута собака — богатеющему ламе, черная муха — лживому ламе, перекасти-поле — бродячему ламе. Шаман имплицитно уподобляется больному коню: *Чаараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар* ‘От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет’ (ППТН: 62). Прием контраста, противопоставления также создает образность: *Хуурактар көвүдээрге ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ* ‘Много хуураков расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству’ (ППТН: 60). Увеличение учеников ламы — к бедности, жеребят — к богатству.

Как и в других тувинских паремиях, параллели между хорошо знакомыми миром животных (собака, щенок, коза, черная муха, конь, жеребята) и растений (перекасти-поле) и миром людей-священнослужителей (*лама, хуурак, хам*) позволяют более точно и образно охарактеризовать людей. Ярче всего в рассматриваемых тувинских пословицах возникает стереотипное отрицательно оценочное образное представление о ламе.

Перейдем к рассмотрению паремий языков, служащих в данном исследовании фоном для сопоставления с тувинскими единицами.

Паремии бурятского языка с компонентом-религионимом

Традиционной религией бурят является шаманизм. Но в Бурятии распространен также и буддизм. Пронаблюдаем, какое отражение нашли религиозные взгляды бурятского народа в исследуемых нами паремиях с компонентом-религионимом. Приемом сплошной выборки материала из словаря пословиц бурятского языка было отобрано 18 единиц.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели бурятских паремий:

1. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением (4 единицы):

Абада жороо мори абахагуй, аянда бөөе хүүр дуулахагуй ‘На облавную охоту не брать коня иноходца, перед дорогой не слушать шамана’;

Бүтшэм газар батаганаатай, бөөтэй хүн боохолдойтой ‘Душное место — с мухами, местность с шаманами — с чертями’;

Буруу дуудаха бөөшүүлэй зэмэ, буруу бариха — баряашанай зэмэ, зүб байсарнь буриха — бурхашуулай зэмэ ‘Ложное призывание — вина шаманов, неправильное лечение — вина костоправа, при правильном обряде не отзываться — вина богов’;

Наратай байгаад бороо ородог, ламатай байгаад, хүн үхэдэг ‘Дождь идет и при солнышке, люди умирают и при ламе’.

2. Бессоюзные конструкции с сопоставительно-противительными отношениями. Каждая из двух частей подобных предложений представляет собой простое предложение, состоящее из предикативной основы (8 единиц):

Бөө — бардам, бүхэ — мундаг ‘Шаман гордый, силач крепкий’;

Бөө хүн ёһо дээрэ, ноён хүн хуули дээрэ ‘Шаман — на традициях, ноён — на законах’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн һайрхуу ‘Шаманы — мстительны, силачи — хвастливы’;

Бөөгэй һамган эдеэрхүү, бүхын һамган хүшэрхүү ‘Жена шамана хваткая, жена силача мощная’;

Бөөгэй һамган хабархуу, дарханай һамган эдирхүү ‘Жена шамана сильная, жена кузнеца дерзкая’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн хүшэрхүү ‘Шаманы — мстительны, силачи — здоровенны’;

Ламын һамган лабаархуу, боогэй һамган бүдүүрхүү ‘Жена ламы щепетильная, жена шамана надменная’;

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үһэн шүдхэр. ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

3. Предложения с логической рядоположенностью компонентов (2 единицы):

Гүрбан дулии ‘Три глухих’, *Номгүй лама дүлии, нүгаһагүи нүүр дүлии, нохойгүй айл дүлии.* ‘Без книги лама глухой, без утки озеро глухое, без собаки дом глухой’;

Дүрбэн хара ‘Четыре черных’, *Һүгүй сай хара, хирээ хара, дасангүй лама хара, дошхоной сэдьхэл хара.* ‘Чай без молока — черный, ворон — черный, лама без дацана — черный, у грозного — помыслы черны’.

4. Бессоюзное предложение с условно-временным значением (1 единица): *Бөө хүн үхэмгэй, ашань бөө боломгой.* ‘Шаман умирает, дар передается внуку’.

5. Предложения сравнительной структуры (2 единицы):

Бөө шэнгээр бөөлэхэ, лама шэнгээр лабжаганаха ‘Камлать, как шаман, начитывать, как лама’;

Лужаганнуур луу, лабжагануур лама ‘Громоподобный дракон, громогласный лама’.

6. Простое односоставное предложение (1 единица): *Айранда ада шүдхэр олон* ‘У трусливого кругом черти да нечисти’.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых бурятскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

Количественно в рассматриваемом корпусе бурятских паремий преобладают единицы с компонентом «шаман». Паремии с этим компонентом призывают не доверять шаману: *Абада жороо мори абахагүи, аянда бөөе хүүр дуулахагүи* ‘На облавную охоту не брать коня иноходца, перед дорогой не слушать шамана’. Отрицательная оценка служителя религиозного культа проявляется в утверждении, что рядом с шаманами находятся черти: *Бүтшэм газар батаганаатай, бөөтэй хүн боохолдойтой* ‘Душное место — с мухами, местность с шаманами — с чертями’. Ироничная народная философия гласит, что если шаман неправильно призывает духов — это его вина, как и вина костоправа, который неправильно лечит. Но тогда и тот факт, что при правильно проведенном обряде боги не отзываются — вина богов: *Буруу дуудаха бөөшүүлэй зэмэ, буруу бариха — баряшанай зэмэ, зүб байсарнь буриха — бурхашуулай зэмэ* ‘Ложное призывание — вина шаманов, неправильное лечение — вина костоправа, при правильном обряде не отзываться — вина богов’. В паремии отражается вера в то, что дар шамана передается по наследству: *Бөө хүн үхэмгэй, ашань бөө боломгой* ‘Шаман умирает, дар передается внуку’.

Интересно, что народная бурятская мудрость прямо наделяет шаманов определенными качествами и чертами поведения — гордостью, следованием традициям, мстительностью:

Бөө — бардам, бүхэ — мундаг ‘Шаман гордый, силач крепкий’;

Бөө хүн ёһо дээрэ, ноён хүн хуули дээрэ ‘Шаман — на традициях, ноён — на законах’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн һайрхуу ‘Шаманы — мстительны, силачи — хвастливы’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн хүшэрхүү ‘Шаманы — мстительны, силачи — здоровенны’.

При этом шаман противопоставляется силачу и чиновнику (ноёну, нойону).

Любопытно, что в бурятских паремиях фигурирует и жена шамана, которая, в свою очередь, также наделяется определенными личностными характеристиками — она хваткая, сильная, надменная:

Бөөгэй хамган эдеэрхүү, бүхын хамган хүшэрхүү ‘Жена шамана хваткая, жена силача мощная’;

Бөөгэй хамган хабархуу, дарханай хамган эдирхүү ‘Жена шамана сильная, жена кузнеца дерзкая’;

Ламын хамган лабархуу, боогэй хамган бүдүүрхүү ‘Жена ламы щепетильная, жена шамана надменная’;

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үэһэн шүдхэр ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

При этом жена шамана противопоставляется жене силача, кузнеца и ламы.

Шаман и лама сопоставляются по способу отправления религиозного обряда: *Бөө шэнгээр бөөлэхэ, лама шэнгээр лабжаганаха* ‘Камлать, как шаман, начитывать, как лама’.

Ламу бурятские паремии характеризуют следующим образом:

он громогласный (когда читает молебен) — *Лужаганнуур луу, лабжагануур лама* ‘Громоподобный дракон, громогласный лама’;

его атрибутами являются книга и дацан — *Гүрбан дулии* ‘Три глухих’, *Номгүй лама дүлии, нүгаһагүй нүүр дүлии, нохойгүй айл дүлии* ‘Без книги лама глухой, без утки озеро глухое, без собаки дом глухой’;

Дүрбэн хара ‘Четыре черных’, *Һүгүй сай хара, хирээ хара, дасангүй лама хара, дошхоной сэдьхэл хара*. ‘Чай без молока — черный, ворон — черный, лама без дацана — черный, у грозного — помыслы черны’.

Как и тувинские паремии, бурятские свидетельствуют о том, что не всегда произнесенный ламой молебен помогает, приносит пользу: *Наратай байгаад бороо ородог, ламатай байгаад, хүн үхэдэг* ‘Дождь идет и при солнышке, люди умирают и при ламе’.

Демоним *шүдхэр* (черт), с одной стороны, наделяется в бурятских пословицах трусостью:

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үэһэн шүдхэр ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

а, с другой стороны, трусливый человек сам видит везде чертей: *Айранда ада шүдхэр олон* ‘У трусливого кругом черти да нечисти’.

III. Образная составляющая рассматриваемых бурятских паремий проявляется в основном в паремиях с логическим рядоположением бытовых или природных конкретных реалий и человека, его внутреннего мира. Например, озеро без утки, дом без собаки и лама без книги одинаково глухи; чай без молока так же черен, как лама без дацана и помыслы у грозного человека; дождь идет в то время, как светит солнце, люди умирают в то время, как лама читает молебен. Кроме того, для характеристики ламы через уподобление используется образ мифологического существа — дракона. Образы шамана (как и его жены) формируются прямым перечислением их личностных характеристик и использованием приема противопоставления с другими лицами — силачами, чиновниками и др.

Паремии шведского языка с компонентом-религионимом

Основной религией шведов является христианство, протестантизм. Из сборников шведских паремий приемом сплошной выборки материала было отобрано свыше 200 паремий с компонентом-религионимом. 150 из отобранных единиц — это паремии с компонентом *Gud* ‘бог’. В силу непропорционального объема и количественной несоотнесенности материала с этим компонентом в рассматриваемых языках паремии шведского языка (как и осетинского, и русского) с компонентом «Бог» в данной статье детально рассматриваться не будут.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели шведских паремий с компонентом-религионимом:

1. Компаративные паремии (имплицитно или эксплицитно) содержащие сравнение (23 единицы). Эта группа единиц, в свою очередь, может быть классифицирована следующим образом:

1.1. Сложносочиненные предложения с противительными союзами:

Vår herre ger, men påven tar äran ‘Господь наш даёт, а Римский Папа славу принимает’;

Satan hämtar honom och prästen får betala frakten ‘Чёрт его забирает, а священнику оплачивать транспортировку’.

1.1.1. Сложносочиненные и простые предложения с противительными союзами, включающие прилагательные и наречия в сравнительной степени:

Det är bra att ha biskopen till morbror, men det är bättre att ha vår herre till sin far 'Хорошо иметь епископа дядей, но лучше иметь Господа нашего отцом';

Fan är listig men påven är värre 'Чёрт хитёр, но Римский Папа ещё хитрее';

Nya kvastar sopa bäst, och unga präster dra mesta folket 'Новые метлы метут лучше всего, а молодые священники привлекают больше всего народу';

Djävulens fallrep är starkare än ett ankartåg, men finare än tråden i en spindelväv 'Верёвочная лестница дьявола крепче якорного каната, но тоньше нитей паутины'.

1.2. Предложения с логической рядоположенностью компонентов:

Satan tycker om rika änkor och feta präster 'Сатана любит богатых вдов и толстых священников';

Fan och prästen studera tillsammans 'Чёрт и священник учились вместе';

Prästers list och kvinnors svek — akta dig för deras lek! 'Хитрость священника и коварство женщин — берегись их игры!';

Gamla apor, unga präster och vilda djur skall man icke släppa in i en jungfrubur 'Старых обезьян, молодых священников и диких животных нельзя пускать в девичью спальню';

Änkans sorg och fans bön äro lika långa 'Печаль вдовы и молитва чёрта длятся одинаково долго'.

1.2.1. Предложения с логической рядоположенностью компонентов и предикатом, выраженным сравнительным оборотом: *Väpnad präst och lysten mö äro som blommor i mars* 'Вооружённый священник и похотливая девушка — как цветы в марте'.

1.3. Предложения идентификации (простые и сложные по синтаксической структуре):

Advokater och soldater äro satans lekkamrater 'Адвокаты и солдаты — друзья по играм сатаны';

Hin och bödeln äro tjocka släkten 'Нечистый и палач — близкие родственники';

Tiggarmunkar äro löss, som satan satt i Vår herres päls 'Монахи-францисканцы — вши, которых сатана поместил в шубу Господа нашего'.

1.3.1. Предложения идентификации с компонентом-прилагательным в превосходной степени:

Fan är prästens bästa hund 'Чёрт — лучшая собака священника';

Påven är den största av syndare, därefter kommer biskopen 'Римский Папа самый большой грешник, а за ним епископ'.

1.4. Простые предложения, представляющие собой сравнительные обороты:

Han är lika känd som prästens hund 'Известный, как собака священника';

Klok som en häst och lärd som en präst 'Умный как лошадь и учёный как священник'.

1.5. Простые предложения с прилагательными в сравнительной и превосходной степени:

Ingen är bättre klokare än en avsatt präst 'Никто не является лучшим пономарём, чем священник, лишённый сана';

Bättre fan till rådgivare än ingen alls 'Лучше чёрт в советчиках, чем никого вообще';

Kvinnan känner konsten bättre än djävulen 'Женщина владеет искусством лучше самого дьявола';

Det finns fler brokiga hundar än prästens 'Есть больше пёстрых собак, чем только собака священника'.

1.6. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма: *Av litet föl kan bli stor häst, av fattig pippling kan bli en präst* 'Из маленького жеребца может получиться большая лошадь, из бедного дьячка может получиться священник'.

2. Не компаративные паремии (191 единица).

2.1. Простые предложения:

I brist på tjuv tar fan en biskop 'За неимением вора чёрт берёт священника';

Än lever den gamle guden och prästen i Bro 'До сих пор живут ещё старый бог и священник в Бру¹';

¹ Бру — населённый пункт в муниципалитете Уппландс-Бру Стокгольмского лена Швеции.

Man gör ej god ärkebiskop av en skalk ‘Из проходимца не получится хорошего архиепископа’;
Mårten Luthers stövlar passar icke varje sockenpräst ‘Сапоги Мартина Лютера не подходят любому приходскому священнику’;
Kappa och krage gör ingen präst ‘Мантия и воротник не делают священника’;
Prästsäcken är utan botten ‘Мешок священника не имеет дна’;
En ung präst måste ha ett nytt helvete ‘Молодому священнику достаётся новый ад’;
Prästen har sin hand i allt mellan vaggan och graven ‘Священник прикладывает руку ко всему между колыбелью и могилой’;
För prästen skall man intet dölja ‘От священника нельзя ничего скрывать’;
Prästen har dubbla nycklar — till himmelen och skafferiet ‘У священника два ключа — от неба и от кладовки’;
Gå icke före prästen och icke efter stackaren ‘Нельзя идти перед священником и после нищего’;
Ingen präst ger offret tillbaka ‘Ни один священник не отдаст пожертвование обратно’ и др.

2.2. Сложноподчиненные предложения.

2.2.1. С придаточным условия:

När Vår herre icke vill, har icke ens biskopen makt ‘Когда Господь наш не хочет, даже у епископа власти нет’;

Fan är värst, när han står i predikstolen ‘Чёрт хуже всего, когда он стоит за кафедрой’;

Ger man fan ett finger, så tar han hela handen ‘Если чёрту дать палец, то он возьмёт всю руку’;

Prästen ler i sitt hjärta när han ser en kvinna ‘Священник улыбается внутри, когда видит женщину’ и др.

2.2.2. С придаточным изъяснительным: *Den som inte vill till himmelen, behöver ingen präst* ‘Тому, кто не хочет на небо, не нужен священник’ и др.

2.2.3. С придаточным времени: *Medan prästen predikar, går fan ut på strövtåg* ‘Пока священник проповедует, чёрт идёт на прогулку’ и др.

2.2.4. С придаточным меры и степени:

Aldrig är kyrkan så full, att inte prästen får rum ‘Никогда церковь не бывает так полна народу, чтобы не нашлось места священнику’;

Aldrig är det så kallt att prästen fryser i kyrkan, så länge offret pågår ‘В церкви никогда не бывает так холодно, чтобы священник замёрз во время сбора пожертвований’ и др.

2.2.5. С придаточным места: *Där biskop håller krog, må väl prästerna dricka* ‘Там, где епископ держит кабак, священники могут пить’ и др.

Обращает на себя внимание превалирование в рассматриваемом корпусе шведских паремий компаративных по структуре и семантике.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых шведскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

Вторым по частотности компонентом шведских паремий, включающих религионим, (после компонента «Бог») является *präst* ‘священник’. Стереотипное представление о священнике в шведских паремиях амбивалентно. С одной стороны, это знающий и образованный человек:

En gammal präst vet mer än tio studenter ‘Старый священник знает больше, чем десять студентов’;

Klok som en häst och lärd som en präst ‘Умный как лошадь и учёный как священник’.

Священник выполняет свою работу, как и любой другой человек: *Prästen vid boken, bonden vid plogen (var och en till sitt)* ‘Священник за книгой, крестьянин за плугом’.

С другой стороны, в паремиях выражаются такие культурные установки, как жадность, стремление священника к обогащению:

Prästsäcken är utan botten ‘Мешок священника не имеет дна’;

Prästen har dubbla nycklar — till himmelen och skafferiet ‘У священника два ключа — от неба и от кладовки’;

Ingen präst ger offret tillbaka ‘Ни один священник не отдаст пожертвование обратно’.

Кроме священника в шведских пословицах фигурируют *biskop* ‘епископ’, *ärkebiskop* ‘архиепископ’, *påve* ‘Римский Папа’, *pippling* ‘дьячок’ и *klockare* ‘пономарь’. Епископ и Римский папа оцениваются паремиями отрицательно — они грешники и стяжатели:

Vår herre ger, men påven tar äran ‘Господь наш даёт, а Римский Папа славу принимает’;

Fan är listig men påven är värre ‘Чёрт хитёр, но Римский Папа ещё хитрее’;

Påven är den största av syndare, därefter kommer biskopen ‘Римский Папа самый большой грешник, а за ним епископ’;

Påven älskar en vacker visa: pengar och gåvor mitt hjärta lisa ‘Римский Папа любит красивую песню: деньги и дары моё сердце улаживают’;

Där biskop håller krog, må väl prästerna dricka ‘Там, где епископ держит кабака, священники могут пить’.

Интересны характеристики демонимов в шведских пословицах. Это *satan* ‘сатана’, *djävul* ‘дьявол’ и *fan* ‘черт’. В анализируемых пословицах шведского языка дьявол, с одной стороны, предстает коварным и хитрым, в его сети легко попасть, раз поддавшись соблазну, кажется, что путь, предлагаемый им надежный и крепкий, но ступивший на него проваливается: *Djävulens fallrep är starkare än ett ankartåg, men finare än tråden i en spindelväv* ‘Верёвочная лестница дьявола крепче якорного каната, но тоньше нитей паутины’. С другой стороны, человек всегда нуждается в совете и помощи со стороны, поэтому *Bättre fan till rådgivare än ingen alls* ‘Лучше иметь советником чёрта, чем никого вообще’.

Прежде всего в исследуемых компаративных паремиях обращает на себя внимание дихотомия нечистая сила (черт, сатана) — священнослужители (священник, папа римский, епископ). Приведем примеры:

Satan hämtar honom och prästen får betala frakten ‘Сатана забирает его, а священник платит за транспортировку’;

Fan är listig men påven är värre ‘Чёрт хитёр, но римский папа ещё хитрее’;

Fan och prästen studera tillsammans ‘Чёрт и священник учатся вместе’;

Fan är prästens bästa hund ‘Чёрт — любимая собачка священника’;

Fan är värst, när han står i predikstolen ‘Чёрт хуже всего, когда стоит за кафедрой’.

В этой подгруппе шведских паремий наличествует, во-первых, прямое сравнение черта и священника — отмечается одинаковый статус того и другого: *Fan och prästen studera tillsammans* ‘Чёрт и священник учились вместе’. В некоторых аспектах священнослужители превосходят черта, так, папа римский оказывается хитрее черта. Черт и священник отождествляются по своему статусу, но вместе с тем священник оказывается хуже: *Fan är värst, när han står i predikstolen* ‘Чёрт хуже всего, когда стоит за кафедрой’. Нужно отметить, что и сама церковь выступает в паремиях как дом, в котором служит черт: *Kyrkan är ett gammalt hus och fan en skalk* ‘Церковь — старый дом, а чёрт — слуга в нём’. Идею функционального сходства черта и священника подтверждают и другие шведские паремии, ср., например: *Medan prästen predikar, går fan ut på strövtåg* ‘Пока священник проповедует, чёрт идёт прогуляться’; *När fan blir gammal, blir han präst* ‘Когда чёрт стареет, он становится священником’.

Интерес представляют те паремии с компонентом-демонимом, в которых сам представитель нечистой силы как бы осуществляет сравнение, например, делает рядоположенными вора и епископа: *I brist på tjuv tar fan en biskop* ‘За неимением вора чёрт берёт епископа’, богатых вдов и толстых священников: *Satan tycker om rika änkor och feta präster* ‘Сатана любит богатых вдов и толстых священников’.

Кроме священнослужителей, в шведских паремиях имплицитно и эксплицитно присутствует сравнение черта и лиц женского пола: *Dit fan själv inte vill gå, skickar han en präst eller en käring* ‘Туда, куда чёрт не хочет идти, он посылает священника или старуху’; *Kvinnan känner konsten bättre än djävulen* ‘Женщина владеет искусством лучше, чем дьявол’; *Änkans sorg och fans bön äro lika långa* ‘Печаль вдовы и молитва чёрта делятся одинаково долго’. При этом черт и женщина или уравниваются в своих возможностях, или женщина оказывается даже искуснее.

В шведских сравнительных паремиях близкими черту оказываются палач: *Hin och bödeln äro tjocka släkten* ‘Чёрт и палач — близкие родственники’, а также адвокаты и солдаты: *Advokater och soldater äro satans lekkamrater* ‘Адвокаты и солдаты — друзья сатаны по его играм’.

В паремиях через противопоставление скупого человека и черта осуждается скупость: *Snål spar och skruvt tar* ‘Скупой экономит, а чёрт забирает’ и безделье, которое образно вербализуется как «подушка под голову черту»: *Sysslolöshet är fans hufvudkudde* ‘Безделье — подушка чёрту под голову’.

В образе дьявола (сатаны) предстает в шведских сравнительных поговорках война: *Krig är en djävul, som äter guld och skiter kiselstenar* 'Война — это дьявол, который ест золото и выделяет кремни'; *Svärdens klang är satans taffelmusik* 'Звон мечей — это обеденная музыка для сатаны'. В этой связи поговорка отмечает, что по сравнению с христианами, которые уничтожают друг друга, один дьявол никогда не сражается с другим: *Kristna kriga mot kristna, men den ene djävulen icke mot den andre* 'Христиане воюют с христианами, но не один дьявол с другим'.

III. Образная составляющая рассматриваемых шведских поговорок проявляется в основном в поговорках сравнительной семантики, а также в поговорках с рядоположенностью компонентов. Интересны сопоставления образов священнослужителей и нечистой силы, где они оказываются похожими или даже нечистые оказываются в чем-то лучше. Ср. поговорку: *Fan är inte så svart som man målar honom* 'Чёрт не такой чёрный, как его малюют'. Ср. в русском языке: *Не так страшен черт, как его малюют*.

В отличие от тувинских и бурятских поговорок шведские единицы более прагматичны и категоричны, более ироничны. Образы природы в них практически отсутствуют, но в большом количестве наличествуют образы людей — вдовы, палач, солдаты, адвокаты, женщина, старуха, монахи, крестьянин и др. Необходимо отметить метафоры: война — это дьявол, безделье — подушка под голову дьяволу.

Поговорки осетинского языка с компонентом-религионимом

Осетинский язык относится к северо-восточной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейских языков и является единственным сохранившимся реликтом скифо-сарматского языкового мира.

Осетины по вероисповеданию в основном православные христиане, но среди осетинского народа есть и мусульмане, исповедующие ислам (сунниты).

Рассмотрим осетинские поговорки с компонентом-религионимом. Из сборников пословиц и поговорок осетинского языка приемом сплошной выборки материала было извлечено 95 единиц. Поговорок с компонентом «Бог» в рассматриваемом корпусе насчитывается 60 единиц. В данной статье, как уже отмечалось, они не будут подвергнуты анализу.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели осетинских поговорок с компонентом-религионимом:

1. Простые предложения/

1.1. Простые двусоставные предложения:

Иу сауджын йæхи чиньдзы йедтæмæ никæйы чиньдзы зыдта 'Один священник знал только свою книгу'¹;

Сауджын æмæ хилдасæг кæрæдзи нæ уарзынц 'Священник и парикмахер друг друга не любят';

Сауджын ма сайын зоны 'Священник хотя бы умеет жульничать';

Сауджын æмæ моллойæн сæ куыст — сайын 'У священника и Муллы одна работа — обманывать';

Хæйрæг да куы сайа, уæд — кæсгæ-кæсын 'Черт обманывает, глядя на тебя';

Иу сайд хæйрæгыл дæр æрцæуы 'Один раз даже черт обманывается';

Хæйрæгæн йæ уд йæ аууæттæ цæуы 'Душа черта идет в его тени';

Хæйрæджы хæрисын цæвæг дыууæрдæм кæрды 'Черта коса косит в обе стороны';

Хæйрæг цыргъаг æмæ зынгæй тæрсы 'Черт боится острых предметов и огня';

Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком';

Сауджынæй — сайддæр æмæ фæлывддæр 'Он хитрее и коварнее священника';

Хæйрæджы хай — фыдбылызы хай 'Доля черта — доля горя'.

1.2. Простые односоставные предложения:

¹ Здесь и далее перевод А. С. Цховребова.

Сауджын хысыны дэр бэрэг вэйи ‘Священник везде узнаваем в любом одеянии’;

Хэйрэджи сайдэн хос нэй ‘Обманутый чертом не лечится’.

2. Сложноподчиненные предложения:

2.1. С придаточным условия:

Сауджын аргъуыды куы фэрэдийы, уэд алули-алули факканы ‘Если священник ошибается во время молитвы, то говорит «аминь, аминь»’;

Сауджыны куы нэмай, уэд — нэмæгау ‘Если бить священника, то как следует, до конца’;

Сауджын сайгæ куынæ кæна, уэд амарди ‘Если священник перестанет обманывать, его не станет’.

2.2. С придаточным времени:

Сауджыны кбухæн рæсугд куы апта кæны, уэд йæ мидбылты бахуды ‘Когда целуют руку священника, он мило улыбается’;

Хэйрæг арыдæй фидауы ‘Черт смотрится хорошо, когда опален’;

Хэйрæджытæн сæ сæн нуæзт куы фæцис, уэд лалым бæлхæдтой ‘Когда черти закончили пить вино, они купили бурдюк’.

2.3. Изъяснительные предложения с соотносительными словами:

Хэйрæг кæмæ раргом уа, уый æвдыдæй нæ зайы ‘Тот, к кому черт повернется, без горя не остается’;

Хэйрæджи сайдэн Хуыцаумæ дэр нэй хос ‘Того, кого обманул черт, не излечит даже Бог’;

Хэйрæджи сайдыл хуын дэр нæ хæцы ‘Даже волос не растет на том, кого обманул черт’.

3. Сложные предложения с подчинительной связью:

Сауджын хъæуæй куы ахизы, уэддæр ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, зæгъгæ ‘Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед’;

Сауджынай ма цы азад, уый та молло алвыдта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвыдæй баззад ‘То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь’.

4. Бессоюзные предложения, выражающие сопоставительно-противительные отношения:

Хэйрæджи сайдэн мах хос и, сауджыны сайдэн нэй ‘Обманутого чертом спасти можно, обманутого священником — нельзя’;

Сауджын — фæливаг æмæ молло — кæлæнгæнæг ‘Священник — жулик, Мулла — колдун’;

Сауджын сауджыны нæ сайы, рувас — рувасы ‘Священник священника не обманывает, лиса — лису’;

Бон — адæмы, æхсæв — хэйрæджыты ‘День принадлежит людям, ночь — чертям’;

Хэйрæг — размæ зæвæтджын, фæстæма кбæхджын ‘У черта копыта вперед, ноги назад’;

Гуырæг ракæнай, мæлгæ акæнай — сауджынаг пайда ‘Родишься ты или умрешь — священнику выгода’.

5. Сложные двукомпаративные предложения с компонентами-наречиями и прилагательными в сравнительной степени с конструкцией «чем... тем...»: *Сауджын, цас фылдæр рынчынтæ уа, уыйас хъæздыгдæр кæны* ‘Чем больше больных, тем богаче священник’.

6. Представляет интерес поговорка, в которой вторая часть поясняет первую: *Сауджынаг авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* ‘У священника 7 животных: никак не наедается’.

Приведенная классификация показывает, что со структурно-синтаксической точки зрения в анализируемом корпусе осетинских поговорок преобладает модель простого двусоставного предложения.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых осетинскими поговорками культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

В исследуемом материале выделяются в порядке убывания частотности следующие компоненты-религионимы: *сауджын* ‘священник’, *хэйрæг* ‘черт’, *молло* ‘мулла’.

Осетинские поговорки вербализуют следующее стереотипное представление о священнике, аккумулирующее установки культуры народа:

— отличающийся внешний вид, одежда, длинные волосы: *Сауджын хысыны дэр бэрæг вэйи* ‘Священник везде узнаваем в любом одеянии’; *Сауджын æмæ хилдасæг кæрæдзи нæ уарзынц* ‘Священник и парикмахер друг друга не любят’;

— хитрость и коварство: *Сауджын аргъуыды куы фæрæдийы, уæд алули-алули фæкæны* 'Если священник ошибается во время молитвы, то говорит «аминь, аминь»'. Очень хитрого и коварного человека сравнивают со священником, священник в паремиях — эталон хитрости и коварства, ср.: *Сауджынæй — сайддæр æмæ фæлывддæр* 'Он хитрее и коварнее священника';

— склонность к обману: *Сауджын ма сайын зоны* 'Священник хотя бы умеет жульничать'. Эта черта сближает священника, с одной стороны, с чертом (которого он превосходит в способности к обману):

Хæйрæджы сайдæн мах хос и, сауджыны сайдæн нæй 'Обманутого чертом спасти можно, обманутого священником — нельзя', с другой стороны, с муллой: *Сауджын æмæ моллойæн сæ куыст — сайын* 'У священника и Муллы одна работа — обманывать';

Сауджын — фæливаг æмæ молло — кæлæнгæнаг 'Священник — жулик, Мулла — колдун';

Сауджынæй ма цы аздад, уый та молло алвыдта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвыдæй баззад 'То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь'.

Священник не может жить без обмана, этим он зарабатывает: *Сауджын сайгæ куынæ кæна, уæд амарди* 'Если священник перестанет обманывать, его не станет';

— алчность: *Сауджынæн авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* 'У священника 7 животов: никак не наедается';

Сауджын хъæугæй куы ахизы, уæддæр ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, загъгæ 'Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед';

— священник наживается на страданиях людей, любой этап жизни человека приносит ему выгоду:

Сауджын, цас фылдæр рынчынтæ уа, уыйас хъæздыгдæр кæны 'Чем больше больных, тем богаче священник';

Гуыргæ ракæнай, мæлгæ акæнай — сауджынæн пайда 'Родишься ты или умрешь — священнику выгода'.

Оценка священника в народной мудрости выражена в следующей паремии: *Сауджыны куы нæмай, уæд — нæмæгау* 'Если бить священника, то как следует, до конца'.

Стереотипное представление о черте в анализируемых осетинских паремиях выглядит следующим образом:

— внешний облик представителя нечистой силы: *Хæйрæг — размæ зæвæтджын, фæстæма къæхджын* 'У черта копыта вперед, ноги назад';

— черт активен ночью: *Бон — адамы, æхсæв — хæйрæджыты* 'День принадлежит людям, ночь — чертям';

— у черта есть свои страхи: *Хæйрæг цыргъаг æмæ зынгæй тæрсы* 'Черт боится острых предметов и огня';

— черт причиняет людям зло: *Хæйрæджы сайдæн хос нæй* 'Обманутый чертом не лечится'; *Хæйрæг кæмæ раргом уа, уый æвдыдæй нæ зайы* 'Тот, к кому черт повернется, без горя не остается'; *Хæйрæджы сайдæн Хуыцаумæ дæр нæй хос* 'Того, кого обманул черт, не излечит даже Бог'; *Хæйрæджы сайдыл хъуын дæр нæ хæцы* 'Даже волос не растет на том, кого обманул черт'.

Интересно следующее заключение народной мудрости: *Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы* 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком'.

Оценка и отношение к черту однозначно выражены в паремии: *Хæйрæг арыдæй фидауы* 'Черт посмотрится хорошо, когда опален'.

III. Образная составляющая рассматриваемых осетинских паремий, как и шведских, заключается в постоянном сопоставлении священнослужителей (православного священника и муллы, которые оказываются похожими друг на друга в своем поведении) с нечистой силой (чертом). При этом священнослужители часто превосходят черта в своих отрицательных качествах. Осетинские пословицы ироничны: *Хæйрæджытæн сæ сæн нуæзт куы фæцис, уæд лалым бæлхæдтой* 'Когда черти закончили пить вино, они купили бурдюк'; *Сауджынæй ма цы аздад, уый та молло алвыдта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвыдæй баззад* 'То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь' и др. В ироничных осетинских паремиях используется гипербола: *Сауджынæн авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* 'У священника 7 животов: никак не наедается'. С одной стороны, осетинские па-

ремии развернуто отражают конкретную ситуацию: *Сауджын хъауаёй куы ахизы, уаждар ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, зæгъгæ* 'Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед', с другой стороны, они очень лаконичны и наполнены философским содержанием: *Хæйрæг да куы сайа, уæд — кæсгæ-кæсын* 'Черт обманывает, глядя на тебя'; *Хæйрæджы хæрисын цæвæг дыууæрдæм кæрды* 'Черта коса косит в обе стороны'; *Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы* 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком'; *Хæйрæджы хай — фыдбылызы хай* 'Доля черта — доля горя'.

Паремии русского языка с компонентом-религионимом

Верующие носители русского языка исповедуют христианское православие. В корпусе отобранных паремий русского языка с компонентом-религионимом оказалось 1466 единиц, из них 1325 паремий с компонентом «Бог», которые в рамках данной статьи не рассматриваются.

1. С точки зрения структуры выделяются следующие модели русских паремий с компонентом-религионимом:

1. Паремии компаративной структуры и семантики

1.1. Предложения с противопоставлением, выраженным союзом «а» («да»): *Бес и рогат, и хвостат, а корове не брат; От беса крестом, а от свиньи пестом; Грозен (страшен) черт, да милостив Бог; Скупой копит, а черт мошну тачает; У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки бросает; Хвалился черт всюю вселенною овладеть, а Бог ему и над свиньей воли не дал; Не бойся черта, а бойся лихого человека* и др. Сравнительная семантика подобных паремий может поддерживаться наличием сравнительной степени прилагательного в составе единицы: *Бес всех умнее, а злой дух; Бес всех умнее, а люди не хвалят; Черт мудёр, а наш брат мудрей черта* или формой существительного в творительном падеже со значением сравнения: *Не смылит ни бельмеса, а вертится бесом* — в данной паремии вторая часть по сути представляет собой устойчивое сравнение; *Не смылит ни бельмеса, а сердится бесом*.

1.2. Предложения с компонентом-наречием в сравнительной степени. Подобные паремии допускают лексическую вариативность:

Показался (покажется) сатана лучше ясного сокола;

Полюбился (полюбится) сатана пуще (лучше) ясного сокола;

Понравится сатана лучше всякого сокола.

1.3. Предложения с синтаксическим параллелизмом:

От черта — крестом, от медведя — пестом, а от дурака — ничем;

Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся, куда годимся?

1.4. Предложения со свернутым сравнением: *Все черти равны, все те ж бобры*. Ср.: *Соболи, бобры, все черти равны*.

Имплицитно представлено сравнение в тех паремиях, где представители нечистой силы логически сопоставляются с женщиной, с ее равными, а иногда и превосходящими качествами. Эти единицы отличаются широкой лексической вариативностью:

Где бес не сможет, туда бабу пошлет;

Где дьявол не сможет, там баба переможет;

Где сатана не сможет, туда бабу пошлет;

Где сам черт не смылит, там бабу пошлет;

Где черт не сладит, туда бабу пошлет;

Где черт не сможет, там баба переможет;

Куда черт не успеет, туда бабу пошлет.

2. Не компаративные паремии

2.1. Простые предложения:

Бес беса и хвалит;

И чёрт под старость в монахи пошёл;

*Сатана и святых искушает;
Сатана худом ворочает;
Каждый чёрт по-своему поёт;
Есть и на чёрта гром;
Глухому поп две обедни не служит;
Сытому попу пояс не к сану;
Чёрт и век не пьёт, а людей искушает и др.*

2.2. Сложные предложения:

2.2.1. Сложноподчиненные

— с придаточным условия:

*Будешь лукавить, так чёрт задавит;
И всяк бы косил, если б чёрт косу носил;
Если нет чёрта в доме, так зятя прими;
Во что чёрт ни нарядится, всё чёртом останется и др.*

— с придаточным изъяснительным: *Кто лукавит, того чёрт задавит; Кто старое вспомянет, того чёрт на расправу потянет и др.*

— с придаточным времени: *Чем чёрт не шутит, когда Бог спит; Пока жирный похудеет, худого чёрт возьмёт и др.*

— с придаточным определительным: *Каков чёрт от люльки, таков и в могилку и др.*

2.2.2. Сложносочиненные предложения:

*Велика у дьявола сила, да воли ему нет;
Нашёл чёрт болото, да и сам ему не рад и др.*

2.2.2. Сложные предложения с подчинительной и сочинительной связью: *Жди, когда сатана сдохнет, а он ещё и хворать не собирался и др.*

Выделяются предложения со значением совета, в которых используется глагол в повелительном наклонении:

*Не всякому чёрту кланяйся;
Не поддавайся чёрту — так ему и власти над тобой нет;
Ставь свечу и чёрту — не знаешь, куда угодишь;
Богу молись, да и чёрта не сердя;
Не шути с чёртом — из дубинки выпалит и др.*

Структурно-синтаксическая классификация русских паремий показывает явное доминирование паремий сопоставительной структуры и семантики в рассматриваемом фрагменте паремиологической картины мира, а также эксплицитно выраженную дидактичность единиц.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых русскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

В русских паремиях выделяются такие религионимы как *поп, монах, пономарь, звонарь, бес, дьявол, сатана, черт*. Наиболее частотными являются черт (62 паремии в рассматриваемом материале) и поп — 53 паремии. Отметим, что все служители культа характеризуются в паремиях отрицательно:

*Где поп, тут не надобен и чёрт;
Поп в гости — черти на погосте;
Попам и на том свете хорошо: помрут — прямо к чёрту попадут;
На чёрта только слава, а монах поросёнка съел;
Чёрт монаху не попутчик, монах его проведёт;
Поп сыт от алтаря, а дьячок от пономаря и др.*

Поп в русских паремиях жаден, склонен к обману:
*Попы как утки: уж и зоб своротило, а всё хватает;
У попа глаза завидующие, руки загребующие;
У попа не карманы, а мешки; Врут и попы, не токмо что бабы.*

Отношение к попу ироничное: *Умён как поп Семён: книги продал, карты купил; Знают и без попа, что воскресный день свят.*

Демонимы в русских поговорках квалифицируются как злые духи, противостоящие и враждебные человеку:

Бес всех умнее, а злой дух;

Бес всех умнее, а люди не хвалят.

Люди могут превосходить представителей нечистой силы по уму: *Черт мудёр, а наш брат мудрей черта.*

В поговорках русского языка присутствует дихотомия Бог — нечистая сила:

Грозен (страшен) черт, да милостив Бог;

Хвалился черт всею вселенною овладеть, а Бог ему и над свиньей воли не дал.

Защититься от нечистой силы можно, сотворив крестное знамение:

От беса крестом, а от свиньи пестом;

От черта — крестом, от медведя — пестом, а от дурака — ничем.

Бог должен помогать бедным (но не всегда это так), а черт служит богатым: *У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки бросает.*

Наименования нечистой силы выступают в поговорках в следующих оппозициях:

«бес — корова» (по внешнему облику, наличию хвоста и рогов): *Бес и рогат, и хвостат, а корове не брат;*

«черт — скупой» (при осуждении скупости): *Скупой копит, а черт мошну тачает;*

«черт — лихой человек», при этом лихой человек, по представлениям народной мудрости, оказывается страшнее черта: *Не бойся черта, а бойся лихого человека.*

Самую объемную группу поговорок, вербализующих оппозицию, составляют поговорки, выражающие оппозицию «черт (бес, сатана) — баба».

Русская народная мудрость советует на всякий случай не гневить нечистую силу:

Ставь свечу и чёрту — не знаешь, куда угодишь;

Богу молись, да и чёрта не сердь.

III. Образная составляющая рассматриваемых русских поговорок отличается тем, что священнослужители не уравниваются «функционально» с представителями нечистой силы, а отчетливо выделяется противопоставление светлых (Бог) и темных сил (демонимы). Священнослужители (особенно поп) часто фигурируют в иронических поговорках, к попу русский народ относится с насмешкой. Иронически уравниваются способности нечистой силы и женщины.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Общность и различия проанализированных поговорок тувинского языка с поговорками языков, послуживших фоном для анализа обнаруживаются на уровне структурных моделей рассмотренных единиц, ценностных предпочтений, культурных установок, оценочности и образности религиозных понятий в составе поговорок.

В тувинских поговорках, как и в поговорках бурятского, шведского и русского языков преобладают компаративные по структуре и семантике единицы. Для проанализированных поговорок осетинского языка более характерны простые двусоставные предложения, философские заключения. Компаративность создается в тувинском языке с помощью синтаксического параллелизма и поговорок, содержащих степени сравнения прилагательных и наречий. В бурятских поговорках также используется прием синтаксического параллелизма и логическая рядоположенность компонентов поговорок. Но кроме того, для бурятских поговорок характерны простые предложения с противопоставлением. Для шведских и русских поговорок свойственно прямое сопоставление и рядоположенность компонентов поговорок. В поговорках всех привлеченных к анализу пяти языков сформулировано стереотипное представление о священнослужителях и нечистой силе. Во всех языках, кроме шведского (где он амбивалентен) образ священнослужителя отрицателен.

Если в тувинских паремиях уподобляются мир животных и мир людей; в бурятских противопоставляются люди (шаман, лама, силач, кузнец, жены шамана и ламы), прямо перечисляются личные качества священнослужителей; в шведских и осетинских единицах священник и черт напрямую сравниваются и воспринимаются как «функционально» одинаковые, а в русских доминирует противопоставление «Бог — нечистая сила». Шведские и русские паремии о священнослужителях более иронично-насмешливы. И в шведских, и в русских паремиях уподобляются черт и женщина. Шведские паремии более прагматичны, русские отличаются дидактичностью и амбивалентностью поведения человека по отношению к черту, стремлением не гневить черта.

Благодарности

Авторы выражают благодарность кандидату филологических наук, доценту кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета Айланме Мылдыргыновне Соян за уточнение переводов паремий на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базырчап, А.-Х. О., Конгу, А. А. (2020) Представления о злых духах у тувинцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 3: Археология и этнография. С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Гарри, И. Р. (2020) Буддизм и политика во Внутренней Азии // Oriental Studies. Т. 13. № 1. С. 8–16. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16>

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. №3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ламажаа Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Концептуальная дихотомия «бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. № 447. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословицном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Склярёвская, Г. Н. (2012) Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник НГУ. Т. 11. № 9. С. 36–40.

Телия, В. Н. (2004) Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки славянской культуры. 344 с. С. 19–30.

Хомушку, А. М. (2011) Социальная роль шамана и ламы в традиционной культуре тувинцев // Мир науки, культуры, образования № 5 (30). С. 396–398.

Хомушку, О. М. (2010) Трансформация добуддийских архетипов в процессе их взаимодействия с буддийскими представлениями в мировоззрении народов Саяно-Алтая // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центрально-азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности: в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хакасское книжное издательство. Ч. II. 280 с. С. 260–267.

Дата поступления: 30.01.2024 г.

Дата принятия: 08.03.2024 г.

REFERENCES

Bazyrchap A.-Kh. O. and Kongu A. A. (2020) Evil Spirits as Viewed by the Tuvans. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 134–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Garri, I. R. (2020) Buddhism and Politics in Inner Asia. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 8–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16>

Dashkovskii, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *sös* as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanov, E. E. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Lamazhaa Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) The Conceptual Dichotomy “God” — “Devil” in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background). *Tomsk State University Journal*, no. 447, pp. 55–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>

Petrushevskaiia, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Skiarevskaia, G. N. (2012) The Vocabulary of Orthodoxy in Modern Russian: the experience of lexicological analysis and lexicographic description. *Vestnik NGU*, vol. 11, no. 9, pp. 36–40. (In Russ.).

Teliia, V. N. (2004) Cultural and linguistic competence, its high probability and deep intimacy in the units of phraseological composition of the language. In: *Cultural layers in phraseological units and in discursive practices* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 344 p. Pp. 19–30. (In Russ.).

Khomushku, A. M. (2011) The social role of the shaman and lama in the traditional Tuvan culture. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (30), pp. 396–398. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2010) Transformation of pre-Buddhist archetypes in the process of their interaction with Buddhist concepts in the worldview of the peoples of the Sayano-Altai. In: *Tuvan writing and the issues of the study of scripts and written monuments of Russia and the Central Asian region*. Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing: in 2 parts / ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. Part II. 280 p. Pp. 260–267. (In Russ.).

Submission date: 30.01.2024.

Acceptance date: 08.03.2024.